

УДК 327.8:323 (575.2) (04)

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ

Ю.В. Подкуйко – канд. ист. наук,
С.Г. Иванов – канд. полит. наук, докторант

Проанализированы основные концептуальные положения представителей различных направлений общественной мысли, касающиеся взаимосвязи двух основных сфер жизнедеятельности общества (экономики и политики) в контексте содержания исторического развития.

Ключевые слова: История, развитие, экономика, политика, взаимосвязь.

Комплекс явлений и процессов, входящих в понятия политика и экономика, государство и общество, власть и собственность, стал осмысливаться как автономная сфера жизни в XVIII в., а как область науки – позднее: в первой половине XIX в. [1: 10]. Социально-экономические отношения и общественно-политический строй киргизов остаются сравнительно малоизученной проблемой в историографии Киргизстана, что обусловлено, прежде всего, скудостью информации, содержащейся в письменных источниках [2: 462].

В XVI–XVIII вв. в европейской и всемирной истории совершались сдвиги, имевшие глобальное значение по своим последствиям. Происходила трансформация и разложение феодальных общественных отношений и институтов. Три победоносные буржуазные революции – нидерландская (вторая половина XVI в.), английская (середина XVII в.), французская (конец XVIII в.) – сформировали современное общество в его функционально дифференцированном виде, сохранившем свои основы до сегодняшнего дня [1: 10]. В киргизском же обществе в XVI–XVIII вв. феодальные отношения не только не разлагались, но только начали организовываться и развиваться. Специфической особенностью господствовавших у киргизов производственных отношений являлся тот факт, что они развивались под оболочкой патриархальных форм общности (род, племя).

В отношении общества европейского Дирк Беккер высказывал мнение, что “изначальной, хотя и не единственной формой дифференци-

ции этого общества является ... различие таких функциональных систем, как хозяйство, политика, воспитание, религия и искусство, каждая из которых в ходе дифференциации достигла автономного вычленения и может выполнять свои функции лишь при условии, что и все другие системы выполняют свои” [3: 190].

В античной философии общество рассматривалось как “общество-государство”, характерной чертой которого была нерасчлененность и синкретичность. Понятия общества (хозяйства) и государства не дифференцировались, они, как правило, совпадали друг с другом.

В античной Греции основной формой социально-экономической и политической организации общества был полис (polis) или город-государство. Государственные и общественные дела в полисе назывались “политика”. В “Диалогах” Платон приводит взгляд Сократа на политику как на “искусство управления людьми” [4].

Сам же термин “политика” в научный оборот впервые ввел Аристотель, который полагал, что политика – это цивилизованная форма общности, служащая достижению “общего блага” и “счастливой жизни”. “Сущность политики заключается в объединении людей для достижения общественного блага” [5].

Аристотель видел задачу политики в обеспечении “высшего блага” граждан полиса. Согласно Аристотелю, политика должна выполнять нравственно-воспитательную роль и содействовать государству в достижении общего блага и справедливости. Понятие справедливости у него связано с представлением о государстве и пра-

ве, которое является “мерилом справедливости” и “регулирующей нормой политического общения”. Государство у Аристотеля является “своего рода общением... Это общение и называется государством или общением политическим”. С одной стороны, политика мыслится Аристотелем как наука, которая должна исследовать наилучший вид государственного устройства (*politeia*), с другой стороны, – политика – это разумное государственное управление во имя всеобщего блага, направленное на обуздание политическими средствами неподвластных индивидам страстей. Искусство познания справедливости свойственно, по Аристотелю, лишь одаренным личностям, которые превосходят своих сограждан умом, добродетелями и моральными качествами и поэтому вправе управлять государством [4].

Интересовал Аристотеля вопрос о соотношении политики как специфической сферы жизнедеятельности общества с экономикой. Размышляя об оптимальной форме государственного устройства и правления, он пытался напрямую связать эту форму с определенными большими группами в социально-экономической структуре общества, а именно с так называемым средним классом, выделяющимся, по его мнению, из общей массы народа известным образовательным (следовательно, и имущественным) цензом. Если власть принадлежит наиболее богатому меньшинству (аристократии), она имеет тенденцию деформироваться в такую “неправильную” форму, как олигархия, в узкокорыстную власть немногих. Аристотель отрицательно относился и к власти бедного большинства, к “политии”, которая также способна деградировать, превращаясь в демократию. Заметим, что в данном случае Аристотель негативно оценивает демократию, сводя ее, по сути дела, к охлократии, к власти толпы, хотя во многих местах своей “Политики” он отзывается о политике и демократии положительно [5]. Но во всех случаях он связывает “правильные” и “неправильные” формы политической власти с определенными социально-экономическими слоями.

В эпоху бронзового века в хозяйствах обеих племенных групп Киргизии – пастухов-земледельцев севера и оседлых земледельцев-скотоводов юга – наблюдается отделение ремесла от земледелия, развитие производительных сил, накопление прибавочного продукта. Хозяйственная специализация привела к крупному общественному разделению труда, когда отдельные племена и группы племен сосредотачивали усилия на определенном виде деятельности, что

явилось важнейшим стимулом межплеменного обмена.

Как отмечал Ф. Энгельс, “после выделения пастушеских племен, мы находим готовыми все условия обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного института” [6: 160]. Обмен нарушил экономическую замкнутость основной ячейки первобытного общества, открывая новые возможности для накопления богатств и, следовательно, для развития социального и имущественного неравенства [2: 132]. Появилась иерархия вождей (родов, племен, союзов-племен), которые как в силу своего социального ранга, так и имущественного благосостояния стали занимать особое положение в обществе. Налицо была взаимосвязь двух сторон одного процесса – особое положение в обществе облегчало приобретение богатств, а их наличие, в свою очередь, повышало социальную значимость их владельцев [2: 133].

Карл Маркс говорил об “азиатской” форме собственности, в которой “объединяющее единое начало, стоящее над всеми мелкими общинами, выступает как высший собственник или единственный собственник” [7: 46, 104, 462]. Рассуждая о социально-экономическом феномене азиатского способа производства Маркс подчеркивал, что “государство здесь – верховный собственник земли, суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе”.

В данной концепции наряду с общественно-экономическими формациями утверждается существование формаций общественно-политических, в рамках которых экономика имеет подчиненный по отношению к политике характер. В качестве эталона такой формации принимается именно “азиатский способ производства”. Его географический ареал расширяется до предела, и на этом основании эпитет “азиатский” заменяется на “государственный”. В основании такого “государственного способа производства” лежит государственная властно-правовая иерархия. Эта концепция представляет собой возврат к гегелевской правовой парадигме крупномасштабного членения исторического процесса, так как в случае с “азиатским способом производства” не государство породило особый тип экономики, основанный на государственной собственности, а, наоборот, экономика, стесненная специфическими природными условиями и нуждающаяся в использовании крупных оросительных систем, потребовала выдвижение на первый план хозяйственно-организаторскую функцию госу-

дарства (например, руководство сооружением и эксплуатацией гидромелиоративных систем).

Н. Маккиавели дифференцировал общество на его функциональные подсистемы, а политику представлял самостоятельной сферой. Саму же политику он определял как «совокупность средств, которые необходимы для того, чтобы прийти к власти и полезно использовать ее» [8]. В его понимании «властные» определения понимают политику как стремление к участию во власти, оказанию влияния на распределение власти или как совокупность средств, которые необходимы для того, чтобы прийти к власти и полезно использовать ее.

Говоря об основных мотивах поведения как отдельных личностей, так и масс, в качестве основных Маккиавели выделял страсть к приобретению (собственничество) и честолюбие (чувство собственного достоинства). Причем первый интерес носил преобладающий характер. Деятельность собственника дистанцируется от деятельности власть имущих, но последние продолжают сохранять свою опеку. «Государь должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустроивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие – открывали свою торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами; более того, он должен располагать наградами для тех, кто заботится об украшении города или государства» [9: 69, 102].

Представляются весьма обоснованными суждения на тему политики немецкого социолога Макса Вебера (1864–1920 гг.). По его мнению, политика «имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике Имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки, можно говорить о политике городской и сельской общины, о политике управления руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем. Политика, по мнению Вебера, означает «стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает» [10: 11]. Поэтому, кто занимается политикой, тот стремится к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой» [4]. Как социолог он считает, что «политика – это форма социальной деятельности, кор-

ни которой находятся в политической системе общества» [11].

В начале XX в. М. Вебер в статье «О буржуазной демократии в России»¹ рассуждал по поводу взаимосвязи частной собственности и демократии как форме политического устройства государства. Полемизируя с теми, кто полагал, что демократические ценности автоматически рождаются частнособственнической экономической системой, Вебер писал: «Как бы сильно не приходилось в борьбе за такие «индивидуалистические» жизненные ценности («неотчуждаемые права человека») учитывать «материальные» условия окружающего мира, столь же мало можно было бы предоставить «реализацию» этих ценностей «экономическому развитию». Шансы «демократии» и «индивидуализма» нынче были бы куда как невелики, если бы в «развитии» их нам пришлось полагаться на «законмерное» действие материальных интересов» [12: 130–131]. И далее Вебер иронизирует над теми, кто живет в постоянном страхе, будто в мире окажется в будущем слишком много демократии и слишком мало «авторитета», «аристократии» и «уважения к должности». «О том, чтобы деревья демократического индивидуализма не выросли до небес, уже позаботились и даже с избытком, – продолжает Вебер. Весь опыт говорит о том, что «история» неизбежно вновь порождает «аристократию» и «авторитеты», за которые может цепляться всякий, кто найдет это необходимым для себя или – для «народа»... Все экономические метеоприборы указывают в направлении возрастающей «несвободы». Просто смехотворно приписывать современному развитому капитализму в том виде, в котором он ныне импортируется и существует в Америке, приписывать этой «неизбежности» нашего хозяйственного развития избирательное сходство с «демократией» или даже «свободой» в каком-либо смысле слова, в то время как вопрос-то может ставиться только так: как вообще «возможно», чтобы при его господстве все это, то есть демократия и свобода, продолжалось? Фактически они существуют лишь там, где за ними – решительная воля нации не дать править собой как стадом баранов» [12: 131]. По Веберу, демократия и частная собственность, в том числе капиталистическая, не связаны напрямую, хотя капитализм и имел своей предпосылкой правовое освобождение личности. Связь между ними опосредована

¹ Под Россией понимается Российская Империя.

целым рядом политических феноменов – наличием необходимых для реализации демократической формы правления политических институтов, давних и прочных демократических традиций, уровнем политической культуры властей и народных масс. Имея в виду все это, Вебер и пришел в своей статье к выводу, что тогдашняя “Россия не созрела для честной конституционной реформы” [12: 130].

Для осуществления и поддержания трансформации взаимоотношений экономики и политики мало одного согласия по этому вопросу всех слоев общества. Должна быть проведена определенная подготовка к инновациям. В противном случае эти инновации отторгнутся обществом. Герберт Спенсер по этому вопросу высказывал мнение о том, что “Никакие хитро придуманные политические учреждения не могут иметь силы сами по себе. Никакое сознание их пользы не может быть достаточно. Важно только одно – характер людей, к которым применяются эти учреждения... Всякий раз, когда недостает гармонии между характером людей и учреждениями, везде, где учреждения введены насильственно революцией или навязыванием преждевременных реформ... является разлад, соответствующий этап несообразности” [13: 268].

В соответствии с марксистским идеологическим положением: экономика – базис, на котором покоится политическая, идеологическая и культурная надстройка, а материальное бытие определяет сознание. Следовательно, роль надстройки не может быть определяющей. Смысл же политики по Марксу – это обеспечение господства одних над другими и выражается в борьбе.

Однако, вопреки марксистским вульгаризаторам, выводящим политику из наличия классов и их борьбы, исторический опыт и современная действительность¹ наглядно демонстрируют, что борьба за власть имеет место в любом обществе, вне зависимости от того есть ли в обществе классы и классовая борьба. Не является определяющим фактором и наличие самого государства. Хотя, разумеется, там и тогда, где и когда налицо антагонистические классы и государство, когда государство является дополнительной – политической – силой экономически господствующего класса, борьба между классами-протагонистами неизбежно обретает характер

¹ В современной науке классовое деление общества заменено на деление по стратификационным признакам.

борьбы за государственную власть, за осуществление им определенных действий, т.е. характер политической борьбы. Еще одно марксистское понимание политики базируется на конфликте. “Политика – это борьба классов и их партий, государств и мировых систем за осуществление их социально-экономически обусловленных интересов и целей” [14].

Взаимосвязь “экономического” и “политического” в марксизме обычно сводят к марксистскому экономическому определению политики, который якобы недооценивает самостоятельность политики. Последняя при этом утрачивает свою самостоятельность как специфическая область общественной жизни, сохраняя лишь относительную, ограниченную автономию [15].

Базирующийся на марксизме детерминистский подход к рассмотрению общества представляет последнее иерархизированной системой, состоящей из экономической, социальной, политической и идеологической социентальных подсистем. В марксизме и в других концепциях экономического детерминизма несколько гипертрофируется влияние экономических потребностей на политику. Но это обычно делают и представители других школ, кладущие в основу определения политики соперничество разнообразных заинтересованных групп, естественные права человека, властные действия, нормы, теологию и другие подходы.

Определения политики в духе экономического детерминизма подчеркивают лишь один из важнейших источников политики, ибо последняя не имеет собственной основы. “Политическое” в данном случае черпает свою силу из экономики, экономических противоречий и интересов [11].

Взаимодействие объективных экономических причинно-следственных связей в историческом процессе и связей субъективных целеполаганий носит сложный, но прогнозируемый характер. Теоретическая значимость этих вопросов никогда не позволяла снижать планку своей актуальности, тем более в условиях переживаемого нашим обществом переходного периода. В этом смысле важен анализ основных концептуальных положений представителей различных направлений общественной мысли, касающихся взаимосвязи двух основных сфер общества в контексте содержания исторического развития. В основе диалектики экономического и политического лежит механизм взаимодействия объективного и субъективного в жизни общества. Несоответствие принимаемых политических решений сущности наличных процессов вытекает как

История

раз из рассогласования этих сторон, что нередко ведет к определенной социальной напряженности в обществе [1: 10].

Литература

1. Коновалов В.Н. Экономика и политика. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1995.
2. История Киргизской ССР. / Под ред. В.Плоских – Фрунзе: Кыргызстан. – Т. 1.
3. Беккер Д. В обществе – об обществе // Социологос. – Вып. I. – Общество и сферы смысла. – М.: 1990.
4. Тарасов В.С. – <http://www.otrok.ru/teach/phil/index.php?n=16&f=46>.
5. Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. – М.: 1983.
6. Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. – Т. 21.
7. Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. – 2-е изд. – Ч. 1.
8. Юсим М.А. Этика Макиавелли. – М., 1980.
9. Макиавелли Н. Государь. – М.: 1990.
10. Вебер М. Политика как признание и профессия. Антология мировой политической мысли. // Соч. – М., 1997. – Т. 2.
11. Нигматулин Н. О взаимодействии экономики и политики. – <http://www.ispr.ru/BIBLIO/JURNAL/Science/jurnal114.html>.
12. Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социологические исследования. – 1992. – №3.
13. Спенсер Г. Социология как предмет изучения. – СПб., 1886.
14. Философский словарь. – http://mirslivarej.com/content_pol/POLITIKA-985.html
15. Розалиев Ю.Н. Наука о связи экономики с политикой // Экономика и политика: взаимосвязи и взаимодействие. – М.: 1997.